

3. Александров, Г. Ф. Ленинские мотивы в поэзии / Г. Ф. Александров // Литературная газета. – 1932. – 22 января.
4. [Б.п.] // На литературном посту. – 1928. – №5.
5. Авербах, Л. Л. Нейтралитет или руководство? К дискуссии о политике РКП в художественной литературе / [Л. Л. Авербах и др.] // Правда. – 1924. – 19 февраля.
6. [Б.п.] Пресвятая Троица [Клюев, С. Клычков, П. Орешин] / [Б.п.] // Чудак. – 1929. – №14.
7. Безыменский, А. И. О чем они плачут? / А. И. Безыменский // Комсомольская правда. – 1927. – №76. – 5 апреля.
8. Безыменский, А. И. «Русское дело» Н. Клюева / А. И. Безыменский // Красная газета. – 1927. – 2 февраля. – веч. вып.
9. Бескин, О. М. Кулацкая литература / О. М. Бескин // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 5. – 1931.
10. Василенко, В. С. Николай Клюев. Изба и поле / В. С. Василенко // Известия. – 1928. – 8 июля.
11. Городецкий, С. М. Текущий момент в поэзии / С. М. Городецкий // Советское искусство. – 1926. – №2.
12. Городецкий, С. М. О Сергее Есенине / С. М. Городецкий // Новый мир. – 1926. – №2.
13. Е. М. Рецензия на журнал «Звезда» 1927, №1 / Е. М. // Красная газета. – 1927. – 8 февраля. – веч. вып.
14. Замойский, П. И. Кнутом направо / П. И. Замойский // Земля советская. – 1929. – №1.
15. Зонин, А. И. [Письмо в редакцию] / А. И. Зонин // На литературном посту. – 1927. – №3.
16. Измайлов, А. А. Литературное обозрение / А. А. Измайлов // Биржевые ведомости. – 1913. – 8 (21), 9 (22) авг. – утр. вып.
17. Измайлов, А. А. Хрестоматия новой литературы: ...4. Сильный поэт-самоучка – Н. Клюев / А. А. Измайлов // Новое слово. – 1913. – №10.
18. Клюев, Н. А. Словесное древо. Проза / вступ. статья А. И. Михайлова; сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина. – СПб., 2003.
19. Клюев, Н. А. Сергей Есенин. (Стихи о нем и очерк его творчества) / Н. А. Клюев, П. А. Медведев. – Л., 1927.
20. Князев, В. В. Ржаные апостолы (Клюев и клюевщина) / В. В. Князев. – Пг., 1924.
21. Краткий словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М., 1985.
22. Лелевич, Г. Л. Ленин в художественной литературе / Г. Л. Лелевич // Молодая гвардия. – 1924. – №2/3.
23. Лелевич, Г. Л. Ленин / Г. Л. Лелевич // Печать и революция. – 1924. – №2.
24. Лелевич, Г. Л. Окулаченный Ленин / Г. Л. Лелевич // На литературном посту. – 1924. – №2.
25. Медведев, П. А. [Рецензия] / П. А. Медведев // Записки Передвижного театра. – 1923. – №66. – 4 декабря.
26. Милькин, А. Москва книжная / А. Милькин // Читатель и писатель. – 1928. – №32. – 11 августа.
27. Николай Клюев. Воспоминания современников / сост. П. Е. Побережкина. – М., 2010.
28. Сольц, И. Г. За пролетарское руководство крестьянской литературы / И. Г. Сольц // Правда. – 1930. – 2 апреля.
29. Тимофеев, Л. И. Клюев / Л. И. Тимофеев // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 5. – М., 1931.
30. Троцкий, Л. Д. Литература и революция / Л. Д. Троцкий. – М., 1924.
31. Холодович, А. А. Язык и литература / А. А. Холодович // Звезда. – 1933. – №1.

УДК 811.161.1

А. С. Виноградов

*Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор С. Ю. Лаврова
Череповецкий государственный университет*

МЕТАТЕКСТОВЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ КАК ОСОБЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ

Статья посвящена рассмотрению метатекстовых включений в научном тексте как особых дискурсивных единиц. В статье рассматривается процесс объективации изучаемых языковых явлений. Анализируются примеры из научных текстов.

Метатекстовые включения, авторский научный дискурс, научный текст.

The article is devoted to the metatextual inclusions in the scientific text as specific discursive units. The article considers the process of objectification of studied linguistic phenomena. Examples of scientific texts are analyzed.

Metatextual inclusion, author's scientific discourse, scientific text.

Введение.

В настоящей статье мы обращаемся к рассмотрению метатекстовых включений как особых дискурсивных единиц научного текста. Статья является частью проводимого нами сопоставительного анализа авторских научных дискурсов и способов их репрезентации. В рамках этого анализа метатекстовые включения выступают как материал для сопоставления и описания авторских научных дискурсов. Исходным пунктом анализа является предположение о

том, что метатекстовые включения представляют собой важное средство формирования и языковой репрезентации авторского научного дискурса. Цель настоящей статьи состоит в освещении ряда вопросов, связанных с подобным аспектом изучения метатекстовых включений. В соответствии с названной целью нами затрагиваются следующие вопросы:

- 1) место метатекстовых включений в научном дискурсе;
- 2) определение метатекстовых включений;

3) характеристики метатекстовых включений.

Прежде чем обратиться к перечисленным вопросам, охарактеризуем вкратце исследуемый нами материал.

Материалом исследования служат научные тексты отечественных лингвистов Н. Д. Арутюновой [1], Е. В. Падучевой [6] и Ю. С. Степанова [8]. Все они являются выдающимися учеными, внесшими серьезный вклад в развитие науки [12, с. 49–50; 558; 684]. Отметим, что существуют специальные работы, посвященные изучению текстов таких ученых, как: В. В. Виноградов, А. Ф. Лосев, А. А. Реформацкий, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман и др. В данных работах ученые рассматриваются как элитарные языковые личности [7, с. 12].

Основная часть.

Научные тексты Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой и Ю. С. Степанова, совмещающая в себе научную глубину с яркими индивидуальными чертами своих авторов, являются благодатным материалом для изучения научного дискурса в самых разных аспектах. Подобная характеристика научных текстов тесно связана с их принадлежностью к гуманитарной сфере знания, в которой главным предметом является «<...> человек и его мир: общество и культура» [5, с. 274]. Другой составляющей этой характеристики выступает дисциплинарная принадлежность интересующих нас научных текстов. Важной чертой лингвистики как науки считается крайняя сложность ее объекта, что, конечно, напрямую сказывается на свойствах и структуре лингвистического научного дискурса. С поступательным развитием науки сложность объекта лингвистики не уменьшается, а меняется качественно и количественно. Р. М. Фрумкина пишет, что, «в силу специфики своего объекта современная лингвистика – в отличие, например, от лингвистики конца прошлого века, имеет много *предметов*» [10, с. 75]. Факт, отмеченный Р. М. Фрумкиной, в совокупности с общепризнанной сложностью объекта лингвистики, ставят следующий вопрос: каким образом предметы лингвистики вводятся в структуру лингвистического научного дискурса? Данный вопрос имеет, по-видимому, множество аспектов. Мы остановимся на тех из них, которые соответствуют цели настоящей статьи.

Начать целесообразно с общего возможного ответа на поставленный вопрос, а именно с того, что одним из способов введения предметов лингвистики в тексты научного дискурса является система **метатекстовых включений**, объективирующая изучаемые языковые явления. Представим пример:

«В классическом случае все три плана совмещаются: тема совпадает с субъектом суждения и оформляется как подлежащее предложения, рема совпадает с предикатом суждения и оформляется как сказуемое предложения, ср.: *Эта девушка прекрасна; Петя спит; Красная Шапочка пошла в лес*» [1, с. 5].

Как видим, примеры, приводимые автором научного текста, **объективируют** описываемое языковое явление и создают тем самым целостную картину

данного явления. При этом данные примеры представляют собой по отношению к основному научному тексту определенного типа метатекстовые включения. Необходимо подчеркнуть, что объективация может происходить только при взаимодействии подобных метатекстовых включений с собственно научным текстом (точнее – с определенными структурно-семантическими компонентами данного текста). Приписывая метатекстовым включениям функцию объективации изучаемого языкового явления кажется справедливым принять в качестве основы для их определения. Другими необходимыми для этого параметрами являются следующие:

а) позиция метатекстовых включений в текстах научного дискурса;

б) характер отношений метатекстовых включений с научными текстами.

Остановимся подробнее на обоих взаимосвязанных параметрах.

Позиция метатекстовых включений в научных текстах определяется с точки зрения их **графически-композиционной оформленности** и статуса как особых единиц. Графически-композиционная оформленность выражается с помощью различных приемов, таких, как: выделение курсивом, заключение в скобки, включение в основной массив текста или вынос за его пределы, например:

«Для этого достаточен семантический минимум, ср.: *Я здесь живу (а не жил)*, где контрастивно выделено только значение времени» [1, с. 5];

«Основным среди общефактических значений является общефактическое результативное, когда глагол НСВ обозначает действие, достигшее предела; так, *показывал* во фразе

(1) Ты *показывал* ей это письмо?

означает приблизительно то же, что *показал*» [6, с. 32].

Графически-композиционная оформленность метатекстовых включений существенна для выполняемой ими функции объективации изучаемых явлений. Она важна также и для описания статуса метатекстовых включений как особых единиц. Начать это описание кажется целесообразным с признания метатекстовых включений в качестве единиц текста. В литературе под единицами текста понимают составляющие его элементы в диалектическом единстве их формы и содержания [2, с. 25]. Графически-композиционная оформленность метатекстовых включений и выполняемая ими функция заставляет рассматривать их в терминах «предложение» и «высказывание». При этом между указанными терминами возникает конкуренция, источником которой является сложная природа рассматриваемых единиц, которые укладываются и в понятие предложения, и в понятие высказывания. Выход из этого положения видится в том, чтобы учитывать при анализе метатекстовых включений имеющиеся между предложением и высказыванием различия, наличие которых признается в современной лингвистике [4, с. 54]. Эти различия находят выражение в том, что «предложение как единица языка имеет формальную сторону, а как единица речи – содержательную сторону. Высказыванием

считают только содержательную сторону предложения» [11, с. 61]. Применительно к метатекстовым включениям это означает, что данные единицы в научных текстах предстают двояким образом: как предложения и как высказывания. Предложениями метатекстовые включения следует считать с точки зрения их синтаксической оформленности и включенности в структуру научного текста. Соответственно, высказываниями метатекстовые включения предстают в свете выполняемой ими функции объективации изучаемых явлений, при реализации которой актуализируется содержательная сторона данных единиц. Иными словами, высказыванием метатекстовое включение становится в аспекте его взаимодействия с научным текстом, а с точки зрения структуры оно представляет собой предложение.

Таким образом, позиция метатекстовых включений в научных текстах определяется диалектическим единством их формы (предложение) и содержания (высказывание).

Описание характера отношений метатекстовых включений с научными текстами предполагает рассмотрение механизма реализации функции объективации изучаемых языковых явлений. Механизм реализации данной функции основан, по-видимому, на специфике диалектического единства формы (уровень предложения) и содержания (уровень высказывания) метатекстовых включений. Эта специфика, на наш взгляд, состоит в **интеграции содержательной стороны научного текста в структуру метатекстового включения**. Попытаемся показать это на примере:

«Так, употребление формы НСВ со значением достижения предела возможно в контексте наречия однократности (*Я один раз покупал сыр “Ромбинас”*) <...>» [6, с. 26–27].

Интеграция содержательной стороны научного текста в структуру метатекстового включения *Я один раз покупал сыр “Ромбинас”* заключается в том, что фактическое коммуникативное содержание данного включения не соответствует его формальному содержанию. В данном метатекстовом включении фактическое коммуникативное содержание включает в себя информацию о возможности употребления формы НСВ в соответствующем контексте, а, разумеется, не то, что некий человек купил сыр «Ромбинас».

Более полное и точное описание рассматриваемого механизма становится возможным с опорой на работу И. Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования» [3]. В названной работе нас интересует та часть, где автор обращается к изучению типов информации в тексте. Кажется справедливым применить предложенную И. Р. Гальпериним типологию для представления механизма объективации изучаемых языковых явлений. По мысли Гальперина, «представляется целесообразным различать информацию а) содержательно-фактуальную (СФИ), б) содержательно-концептуальную (СКИ), в) содержательно-подтекстовую (СПИ)» [3, с. 27].

Исходя из классификации И. Р. Гальперина, фактическое коммуникативное содержание метатексто-

вого включения *Я один раз покупал сыр “Ромбинас”* следует считать научной содержательно-концептуальной информацией, а формальное содержание – содержательно-фактуальной информацией. Принципиально важно то, что научная содержательно-концептуальная информация в метатекстовом включении облекается в языковые средства содержательно-фактуальной информации, благодаря чему языковое явление предстает как предмет изучения. Как пишет И. Р. Гальперин, «содержательно-концептуальная информация сообщает читателю индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, описанными средствами СФИ <...>» [3, с. 28]. Исходя из этого, можно заключить, что метатекстовое включение в научном тексте представляет собой единицу, в которой теоретические положения ученого непосредственно совмещаются с изучаемым языковым явлением. Происходит это за счет интеграции содержательной стороны научного текста в структуру метатекстового включения.

В метатекстовых включениях обнаруживается и содержательно-подтекстовая информация, которая, по мысли И. Р. Гальперина, «представляет собой скрытую информацию, извлекаемую из СФИ благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения <...>» [3, с. 28]. Действительно, название сорта сыра в метатекстовом включении *Я один раз покупал сыр “Ромбинас”* обладает определенным ассоциативным и коннотативным потенциалом. Интеграция содержательной стороны научного текста в структуру метатекстового включения не исчерпывается перечисленными особенностями.

Механизм реализации функции объективации изучаемых языковых явлений, определяющий характер отношений метатекстовых включений с научными текстами и, следовательно, их роль в качестве особых дискурсивных единиц, опирается на такое свойство текста, как **связность**. По-видимому, применительно к метатекстовым включениям категория связности реализуется особым образом. Преодолевая границу структурно-содержательного различия между научным текстом и включенным в него метатекстовым образованием, категория связности реализуется лишь на определенном уровне: на уровне содержательно-концептуальной информации научного дискурса (содержательно-концептуальная связность).

На основании перечисленных особенностей метатекстовые включения можно определить как **сложные дискурсивные единицы, выполняющие в научных текстах функцию объективации изучаемых языковых явлений**. Реализация данной функции служит важным средством формирования и языковой репрезентации авторского научного дискурса. Далее необходимо остановиться на еще одном параметре рассматриваемых единиц, который связан с определением научного дискурса как авторского.

Помимо указания на объективную принадлежность определенному субъекту, в определение «авторский» входит представление о феномене авторской индивидуальности. По-видимому, метатексто-

вые включения обладают достаточно широкими возможностями для формирования и выражения этого феномена.

Возможность введения метатекстовых включений рассматриваемого типа в научный текст создает условия для реализации авторских интенций, авторского видения проблемы. Реализация интенций при порождении самих метатекстовых включений, по видимому, подчинена некоей закономерности. Данная закономерность состоит в необходимости взаимной обусловленности интегрируемой в структуру метатекстового включения научной содержательно-концептуальной информации и репрезентирующих ее языковых средств. Степень этой обусловленности свидетельствует о свойствах авторского начала, авторской воли в диапазоне от объективно необходимого до расширенного, вариативного речевого поведения при выборе языковых средств репрезентации. Приведем пример из научного текста:

«Если оценочные номинации поддержаны анафорой, отсылающей к предтексту, или дейкисом, они могут занять место субъекта конкретного предложения (*Этот обормот не хочет трудиться*)» [1, с. 8].

В метатекстовом включении слово *обормот* обусловлено содержательно-концептуальной информацией научного текста (рассуждением об оценочных номинациях) и адекватно ее репрезентирует, т. е. отмеченная закономерность соблюдается. Вместе с тем, в данном примере диапазон авторской воли можно считать расширенным, поскольку лексема *обормот* входит в достаточно объемный синонимический ряд, доминантой которого является слово «невежа», а членами ряда следующие лексические единицы: «бурбон, бурлак, вахлак, мужик, хам, охламон, обормот, мужлан» [9, с. 179]. Каким бы образом данный ряд не был представлен в ментальном лексиконе языковой личности ученого, это не отменяет выбора как проявления авторской воли в структуре интенции на порождение текста. Характерно, что из приведенного синонимического ряда ученым избран, пожалуй, наименее грубый вариант. Получается, что подобный выбор может без каких-либо концептуальных потерь регулировать общую смысловую и стилистическую тональность приводимых в научном тексте примеров, что, в свою очередь, является важной составляющей в формировании авторского научного дискурса.

Выводы.

В заключение перечислим основные свойства метатекстовых включений, благодаря которым они служат средством формирования и языковой репрезентации авторского научного дискурса:

1) способность выполнять функцию объективации изучаемого языкового явления;

2) наличие качеств, делающих метатекстовые включения дискурсивными единицами (интеграция содержательной стороны научного текста в структуру метатекстового включения, особый тип связности);

3) возможность проявления авторского начала.

Метатекстовые включения представляются сложным явлением: наряду с рассмотренными в настоящей статье параметрами, они обладают и другими свойствами, также требующими специального изучения.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М., 1999.
2. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н. С. Болотнова. – М., 2009.
3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М., 2007.
4. Ломов, А. М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка / А. М. Ломов. – М., 2007.
5. Никитич, Л. А. История и философия науки / Л. А. Никитич. – М., 2008.
6. Падучева, Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – М., 2010.
7. Салимова, Л. М. Ученый-филолог как элитарная языковая личность: лингвокультурологический подход к изучению / Л. М. Салимова // Современная языковая личность: типы порождаемых текстов и методы их изучения / под ред. Е. В. Грудевой. – Новосибирск, 2014.
8. Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка (семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства) / Ю. С. Степанов. – М., 1985.
9. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка / под ред. А. С. Гавриловой. – М., 2013.
10. Фрумкина, Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? / Р. М. Фрумкина // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. – М., 1995. – С. 74–117.
11. Щукин, А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь / А. Н. Щукин. – М., 2007.
12. Юдакин, А. П. Ведущие языковеды мира: энциклопедия / А. П. Юдакин. – М., 2000.